

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ

УДК 330.8

ПЕРИОД «ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ»* (1992–1998)

Г.И. Ханин

Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(РАНХиГС), Новосибирск;
Новосибирский государственный технический
университет

khaning@yandex.ru

В статье, являющейся продолжением предыдущих воспоминаний**, рассматривается учебная, научная и общественная деятельность автора в 1992–1998 годах. Рассказывается о перипетиях, связанных с защитой докторской диссертации, об участии в создании Сибирского независимого университета, о преподавании в Сибирском институте международных отношений, об участии в научных конференциях в России и за рубежом. Дается характеристика ряда известных российских и зарубежных экономистов. Излагается содержание научных работ автора в этот период. Объясняется отношение к важнейшим общественным и экономическим событиям в России, особенно к политике шоковой терапии и ее влиянию на различные аспекты экономики.

Ключевые слова: российская экономика, шоковая терапия в России, российское высшее образование, российская банковская система, альтернативные оценки российской экономики.

Научная деятельность

Разумеется, административная и преподавательская работа, сколь бы значительной она не была, не могла меня полностью отвлечь от занятий наукой. Вопрос состоял в том, в каком направлении их вести. Наиболее естественным было бы продолжать заниматься альтернативными оценками, на этот раз российской экономики. Никаких иллюзий в отношении достоверности официальных оценок у меня не было. Но чтение СМИ, статистических сводок, официальных методик сбора и обработки статистических данных вызывало

у меня сомнения уже во всех публикуемых статистических данных. Следовательно, не на что было опереться. Как минимум точки опоры нужно было долго искать. Поэтому я решил сосредоточиться на уяснении положения в экономике с точки зрения характера ее субъектов. Это мне представлялось тогда самым важным и в то же время интересным. Я покупал большое количество ежедневных газет разной политической направленности и еженедельников и часами их изучал. Наиболее интересные статьи я вырезал и складывал в папки по направлениям. Впоследствии эти вырезки очень по-

* Окончание. Начало в «Идеи и идеалы», 2014, № 2(20), т. 1.

** Ханин Г.И. Непрошенный советник // Идеи и идеалы. – 2013. – № 4 (14). – Т. 2. – С. 122–130.

могли мне при написании второго и третьего томов моей книги по экономической истории России в новейшее время. И газеты, и статьи были в разной степени квалифицированными, но при наличии навыков их анализа можно было создать более или менее ясную картину того, что происходит в экономике. Читал, конечно, почти все общеэкономические журналы. Не все подряд, но наиболее интересные статьи. И, как и в советское время, смотрел на поведение людей, внешние изменения жизни города. Помню, на меня большое впечатление произвело быстрое появление коммерческого пассажирского автотранспорта, что говорило о немалой предприимчивости россиян.

Больше всего мое внимание привлекало развитие финансовой системы как ключевой в рыночной экономике: прежде всего банковской системы, меньше – рынка ценных бумаг. По их состоянию я надеялся определить и состояние всей хозяйственной системы. В этом вопросе мне сильно помог интерес к кредитной системе капитализма еще с 1960-х годов. Тогда на меня большое влияние оказала книга А. Аникина «Кредитная система капитализма», которую я перечитывал много раз. И, конечно, работа над кандидатской диссертацией о фондовых биржах США помогла мне понять, что происходит в этой сфере. Из экономистов, занимающихся внутренней тематикой, я был подготовлен к изучению этой сферы намного лучше, чем многие другие.

Уже в 1990–1991 годах я понял, что она развивается в ложном направлении. Тогда «Коммунист» опубликовал очень интересную статью, где это хорошо показывалось. С огромным интересом я изучал вышедшую в 1990 году книгу воспоминаний – ис-

следование одного из первых частных банкиров Кадырова, где впервые были напечатаны балансы банка «Восток». Они помогли мне глубже понять технику банковского дела.

Чем дальше я изучал состояние российской банковской системы, тем больший ужас она у меня вызывала. То, что я обнаружил, совершенно не было похоже на нормальную банковскую систему. Она коренным образом отличалась и по активам, и по пассивам, и по месту в экономике страны. Мне казалось, что я попал в сумасшедший дом. Скоро я понял, что сумасшедшим домом была не только банковская система, но и вся российская экономика того времени. Банки были ее зеркалом. Они действовали так, как и следовало действовать в сумасшедшем доме. Поскольку платежеспособных заемщиков в реальном секторе практически не было, они кредитовали торговые организации, а больше торговали иностранной валютой и отмывали криминальные деньги, облапошивали легковверных российских вкладчиков. Два эпизода произвели на меня большое впечатление. Как-то в Москве рядом с домом я увидел объявление о приеме денег под очень высокие проценты. Поскольку финансовая компания располагалась недалеко от дома, я решил туда заглянуть. Она располагалась на втором этаже довольно ветхого дома. Меня встретили два дюжих и мрачных молотца. На просьбу показать баланс компании они отреагировали очень нервно. Я понял по их поведению, что лучше поскорее уносить оттуда ноги. Это была вскоре ставшая знаменитой по статьям Станислава Меньшикова в «Правде» мошенническая компания GMM. Примерно в это же время перед отъездом я гостил у Виктора Белкина. Он меня провожал до метро и по до-

роге предложил заглянуть в очень, как он сказал, популярный среди интеллигенции банк «Чара», куда он собирался вложить свои сбережения по довольно высокой ставке. Мы вошли в арку довольно старого дома и подошли к довольно большой очереди к деревянному сооружению, ведущему в дом. Это и был предбанник банка. Я вспомнил роскошные шведские и американские банки, и мне стало дурно от одного вида этого «банка». Спустя пару минут я поинтересовался у стоящих в очереди, не знают ли они, где можно посмотреть баланс этого банка. Они посмотрели на меня, как на инопланетянина. Мне все стало ясно и про банк, и про его клиентов. Я сказал Белкину, что это шарашкина контора, и пошел к метро. Через пару лет этот банк с огромным шумом обанкротился, похоронив сбережения многих видных представителей российской интеллигенции. Среди них было несколько академиков-экономистов... Должен сказать, что до 1999 года я ни копейки не держал в российских банках, только в наличных.

Лучше понять деятельность российских банков после 1991 года снова помог Кадыров. В 1993 году под его редакцией вышла толстенная (640 страниц) книга о банке «Восток». В ней приводились не только развернутые помесячные балансы банка с 1 января 1992 года, но и протоколы заседаний правления банка и даже профсоюзных конференций. Я внимательнейшим образом изучил этот том. Вопреки рекламным намерениям автора все свидетельствовало о том, что дела банка очень плохи.

Впервые о своих печальных размышлениях о положении в банковской системе я рассказал (об этом уже было сказано) на конференции в Интерцентре.

Под этими свежими впечатлениями я написал для ЭКО в 1994 году большую ста-

тью под названием «Есть ли в России банки»? с выкладками, показывающими, что банковская система России в катастрофическом состоянии и ее ждет неизбежный крах. Он-таки наступил осенью 1995 года, когда произошел первый крупный банковский кризис. В его огне сгорел и банк «Восток».

Продолжая банковскую тему, я написал в 1996 году большую статью с большим количеством данных в журнале Сибирской банковской школы, в которой доказывал неизбежность ее краха.

Чтобы донести свои опасения по поводу состояния российской экономики до широкого читателя, я написал огромную (три печатных листа) публицистическую статью для родного журнала «Новый мир». В ней подробно анализировался характер постсоветской экономики и отдельных ее субъектов с упором на банковскую сферу. Общий вывод состоял в том, что речь идет об огромном мыльном пузыре, который непременно вскоре лопнет. Я ее передал в журнал через хорошо мне знакомого начальника отдела публицистики журнала и, кажется, в то время заместителя главного редактора (он сидел в огромном кабинете) Сергея Яковлева. Поэтому я подробно знаю о ее судьбе. Я надолго в этот раз приехал в Москву и узнавал о перипетиях с ее публикацией по телефонным разговорам с Яковлевым. Сам Яковлев отнесся к ней в высшей степени положительно. Он передал ее Залыгину, который числился его главным редактором, он в это время тяжело болел и редко поэтому появлялся в журнале, фактически им управляли другие лица ультралиберального направления. Залыгин статью читал, она ему очень понравилась, он настаивал на ее публикации. Но его ультралиберальные коллеги расценили ее как поклев на экономические реформы

и отказались публиковать. Мне не хватило ума потребовать ее возврата и попытаться опубликовать в другом журнале. Копию я не сохранил, так она и осталась в архиве журнала, а теперь, скорее всего, выброшена. А через год разразился кризис 1998 года. Никто, конечно, не извинился. А Залыгин вскоре умер. На примере «Нового мира» я еще раз убедился (как в случае с «Огоньком» 1987 года и «Новым временем» 1993 года), что для многих либералов факты имеют столь же утилитарную ценность, как для замшелых коммунистов в советское время.

Видел я и некоторые сильные стороны российского капитализма. Я уже писал о развитии частного пассажирского транспорта. Большое впечатление на меня произвели воспоминания Александра Паникина в «Новом мире», который создал довольно крупное текстильное предприятие, пройдя весь путь частного предпринимателя с нуля. Много мне дала книга интервью самых успешных тогда 40 российских предпринимателей. Видно было, что большинство из них образованные и думающие люди, прекрасно видящие пороки российской экономики и российского капитализма.

В 1996 году я все-таки вернулся к альтернативным оценкам российской экономики. Вот как это произошло. В конце лета 1996 года в моей квартире зазвонил телефон. Звонил мой знакомый из Института экономики СО РАН Никита Суслов. Он сказал, что получил приглашение из США написать статью о состоянии российской экономики, и предложил поучаствовать. Я ответил, что лучшее, что я мог бы сделать, это рассчитать альтернативные оценки российской экономики, но вся статистика так лжива, что я не уверен, возможно ли это. Суслов предложил подождать с от-

рицательным ответом и сообщить, что мы думаем над этим предложением. И я начал думать. Довольно быстро я сообразил, что для развернутых расчетов, как по СССР, нет времени, и надо использовать экономные методы, опираясь на ключевые индикаторы экономической активности. Ими были перевозки грузов и потребление электроэнергии. Проблема состояла в их достоверности в нынешних условиях. Я вспомнил, что писала об этих показателях скорая на разоблачения российская печать – каких-то существенных претензий не было. Затем проконсультировался со специалистами в этих отраслях. Они сказали, что в худшем случае искажения незначительны. Так появилась точка опоры. Не стану приводить технические подробности дальнейших расчетов динамики ВВП. Их легко найти в наших работах. За пару месяцев я произвел расчеты динамики ВВП по годам. На этой основе Суслов произвел расчеты тоже по годам распределения ВВП и конечного использования ВВП. Выводы получились сенсационные. Во-первых, оказалось, что официальные данные по динамике были заметно занижены. Во-вторых, выявилась колоссальная утечка капитала из России – около триллиона долларов за шесть лет. В-третьих, выявилось огромное перераспределение доходов в пользу собственников. В-четвертых, была показана колоссальная убыточность реальной экономики и столь же колоссальная прибыльность сферы услуг. Было и несколько других выводов, отличающихся от общепринятых. Мы опубликовали статью в ЭКО № 10 за 1997 год. Вскоре она была переведена на английский язык и опубликована в ведущем западном журнале по Восточной Европе «Europe-Asia Studies». Несмотря на сенсационный характер, она практически прошла незамеченной. Мои оценки по

СССР шли в ряду аналогичных западных, но теперь уже практически никто на Западе такими оценками не занимался (были очень редкие оценки по промышленности). Это было новое явление в российской экономической литературе. В СССР такое было невозможно. Экономисты резко сократили утомительный процесс чтения российских книг и журналов и столь же утомительный процесс реагирования на прочитанное. Привлекали более рентабельные сферы деятельности: преподавательскую работу, поиск грантов и т. д. Иными словами, о науке ученые стали забывать. Гранты, принося доходы, принесли с собой и клиповое мышление. Можно было заниматься темой гранта, забыв о более общих вопросах всей экономики. Так, еще больше выросло число научных работников, которые знали все ни о чем и ничего обо всем. Однако, по моим наблюдениям, это очень мало их беспокоит. Нет ни внутренней потребности, ни внешних стимулов.

Впоследствии при дальнейших занятиях альтернативными оценками и при написании третьего тома книги об экономической истории России я вернулся к этим расчетам. Оказалось, что из-за поспешности были допущены ошибки. Главное, чего я тогда не учел, это коренное изменение структуры экономики в пользу сферы услуг. Оно сильно меняло соотношение между экономическими показателями. В результате и падение ВВП оказалось менее значительным, и отток капитала не столь колоссальным. Но для меня эта работа означала возвращение к моей традиционной проблематике, которой продолжаю вместе с коллегами заниматься до сих пор (в этом году вместе с Дмитрием Фоминым мы распространили эти расчеты на Китай, страны бывшего СССР и Восточной Европы).

Я благодарен Никите Сулову: он подтолкнул меня своим энтузиазмом к этому возврату к моей традиционной деятельности. Правда, он уверяет, что я бы и без этого к ней вернулся. Скорее всего так.

Приятным воспоминанием об этом периоде явилась огромная (на разворот) статья обо мне в одной новосибирской газете. Ее написала на основе нескольких бесед со мной выдающаяся новосибирская журналистка, бывшая сотрудница журнала «ЭКО» Нина Максимова. Статья называлась «Шерлок Холмс российской экономики».

Поездки в Москву и за рубеж

Я все еще имел возможность, пусть и намного реже, чем в советское время, ездить в Москву. Наиболее памятными и волнующими для меня были встречи с друзьями, особенно с Селюниным. Он в начале 1990-х годов заболел раком пищевода. Очень мужественно переносил болезнь, не жаловался. Довольно часто ездил на лечение в Германию на средства западных фондов. Временно наступало улучшение. И он снова погружался в политическую жизнь. Сил на большую литературную деятельность уже не хватало, часто писал лишь в парижскую эмигрантскую газету «Русская мысль». Ее тогда редактировал известный диссидент Алик Гинзбург. Селюнин старался уверить ее читателей, что ничего страшного в российской экономике не происходит, с чем я категорически не был согласен.

Ему большое внимание уделяли его коллеги по «Демократическому выбору России». Они выказывали ему различные знаки почтения. Мне было понятно, что его авторитет им был очень нужен. Ему это было приятно, а мне претило. Я ему искренне говорил: ты намного лучше них, а хотел сказать: зачем ты связался с этой шпаной?

После нашей серьезной размовки в связи с событиями осени 1993 года мы снова встретились уже незадолго до его смерти. На него было страшно смотреть. Он страшно похудел. Говорил с большим трудом. Я с трудом сдерживал слезы, глядя на него. Но он и теперь не жаловался. Конечно, заговорили о политике. Он сказал: «Ты был прав в отношении Ельцина. Он окружил себя проходимцами, страшно пить». Потом я понял, откуда произошла перемена его взглядов. Я уже писал, что его лучшим другом был Михаил Полторанин. Он к началу 1994 года, как видно из недавно вышедших его воспоминаний «Власть в тротиловом эквиваленте», глубоко разочаровался в Ельцине и его окружении, их политике и нравах. И, соответственно, информировал Селюнина. Через несколько недель Селюнина не стало. Для меня это было огромной потерей. Я все еще мечтаю, что найдутся порядочные люди и переиздадут его замечательные статьи: они являются образцом журналистики, уроком для молодых журналистов. Пару лет назад я пытался убедить преподавателя журналистики из Сибирской академии государственной службы заняться творчеством Селюнина, но безуспешно.

Запомнилась встреча с Александром Лившицем в конце лета 1995 года. Он недавно был назначен помощником Ельцина по экономике. Встретиться с ним меня уговорила моя старинная знакомая Мария Львовна Шухгальтер, которая его откуда-то знала.

Если мне не изменяет память, встреча состоялась в августе 1995 года. К встрече я подготовил свои предложения по созданию центра альтернативных оценок развития российской экономики. Я предлагал использовать для таких оценок методы, при-

менявшиеся мною для советской экономики, но в более широких аспектах, и некоторые новые, которые еще предполагалось разработать. Испрашивал довольно скромную сумму, кажется 20 тысяч долларов на пару лет для 4-5 работников и прочих расходов.

Я с волнением прошел Спасские ворота и прошел в корпус, где размещался президент Ельцин, а до него Горбачев и другие советские вожди, включая Ленина и Сталина.

Лившиц размещался в довольно большом и уютном кабинете. Он очень тепло меня встретил, сказал, что давно мечтал со мной познакомиться. Подарил недавно вышедшую книгу и поделился волновавшими его впечатлениями от посещения музея холокоста в Вашингтоне, где он недавно был. Вел себя очень приветливо и просто. Когда спросил, что меня к нему привело, я протянул ему свой проект и кратко его изложил. Он сказал: да, да, да, Борис Николаевич очень беспокоится, насколько достоверна поступающая ему статистическая информация. Улыбка сошла с его лица, когда он прочитал смету. «Нет, таких денег у нас нет», сказал он. Я был ошеломлен этим ответом. Чего стоит государство, из которого ежегодно утекают десятки миллиардов долларов и которое не может найти жалкие 20 тысяч долларов, чтобы узнать, что у него происходит в экономике. У меня пропал интерес к дальнейшему разговору, и мы довольно холодно расстались.

Впоследствии я довольно критически оценивал его деятельность в Кремле и на посту министра финансов РФ. Недавно появились свидетельства того, что олигархи буквально командовали им. Три обстоятельства смягчают мое критическое к нему отношение. Во-первых, ему хватило ума

сказать российским богатым: надо делиться (правда, за этим не последовало дел). Во-вторых, он ушел в отставку сразу после кризиса 1998 года, взяв на себя ответственность за него. Другие, не менее ответственные за кризис, не последовали его примеру. В-третьих, во время написания третьего тома я перечитал его книгу 1994 года, и она на меня произвела очень хорошее впечатление и квалификацией, и сильной социальной направленностью. Жаль, что ему не хватило характера попытаться реализовать то, что в ней было написано, и уйти в отставку намного раньше. Весной 2013 года он умер.

Первой моей научной зарубежной поездкой в этот период была поездка в Великобританию весной 1995 года. Меня пригласил Марк Харрисон из Университета в Уорвике. Мы были с ним знакомы с начала 90-х годов. Он написал в начале 90-х годов очень положительную рецензию о моей книге «Динамика экономического развития СССР», а вслед за этим оказал огромную услугу мне и ее читателям, оформив мои вербальные описания методов, нередко поэтому трудных для восприятия, в виде формул и опубликовав это в «Europe-Asia Studies». Сделал он это в высшей степени профессионально, с глубоким пониманием существа методов. Он пригласил меня на конференцию по экономическим итогам Второй мировой войны. В своей книге я этот период пропустил, сразу перейдя от 1940-го к 1950 году. Поэтому я сказал, что у меня нет расчетов и я не смогу представить доклад. Он тем не менее посчитал, что мое участие в конференции будет полезным. Другим приглашенным из России по моей рекомендации оказался мой друг Бусыгин, которого я очень ценил за глубину его экономического мышления.

Великобритания произвела на меня огромное впечатление. Программа пребывания была составлена таким образом, чтобы мы лучше могли познакомиться со страной и полюбить ее. И эта цель была достигнута.

На пару дней мы остановились в Лондоне. Поселились в небольшой гостинице недалеко от Хитроу. Там в ресторане я познакомился с английской кухней. Посетили Тауэр и конечно посмотрели на дом премьер-министра на Даунинг-стрит, 11. Очень быстро осмотрели Гайд-парк, несколько часов провели в Национальной галерее, где были выставлены шедевры мировой живописи. Я с детства увлекался приключениями Шерлока Холмса, поэтому очень хотелось побывать на Бейкер-стрит, где он якобы жил. С большим волнением я посетил дом-музей Шерлока Холмса, где были выставлены его вещи и мебель того времени.

Ездили преимущественно на метро, которое после московского не производило большого впечатления.

После Лондона – Кембриджский университет. Не весь большой Кембриджский университет, а один из его колледжей – Кристи Колледж. Я, конечно, много читал о Кембриджском университете не только в научной, но и в художественной литературе. Но уже въехав в Кембридж, я начал волноваться при виде этого уютного маленького городка. В центре колледжа был разбит хорошо ухоженный цветник. Жилье напоминало кельи монахов. Скорее всего, оно сохранилось с очень старых времен, но уже с электричеством и паровым отоплением.

Огромное впечатление на нас с Бусыгиным произвел прием, устроенный в нашу честь руководством колледжа. Мы поняли, что нас уважают. Прием проходил так-

же в средневековом огромном подвальном помещении, за огромном прямоугольным столом. Приглашены были ведущие профессора колледжа во главе с его канцлером (по-нашему ректором). Это были преимущественно пожилые, очень интеллигентные люди. Прислуживали одетые в средневековое одеяние мужчины-официанты. В центре за столом сидел канцлер. Он поднял первый тост за королеву Великобритании, за что полагалось выпить стоя. Затем состоялся очень содержательный разговор. Нас буквально «допрашивали» о положении в России. Я откровенно, как и в России, обрисовал его в самом мрачном свете. «И что же вы ожидаете?» – спросили меня. Я ответил, что скорее всего должен произойти военный переворот (я немного ошибся в сроках – теперь известно, что в 1998 году его готовил генерал Лев Рохлин). Спустя некоторое время канцлер вышел из помещения. Сидящий рядом со мной старый профессор-иранолог сказал: он пошел звонить премьер-министру. С этим профессором мы долго беседовали в конце приема. Оказалось, что он до войны жил в Польше и хорошо знал русскую историю. На следующий день после приема с нами захотел встретиться профессор Ноланд. Это оказался очень интересный и своеобразный человек с большой бородой и курчавыми волосами на голове, очень умным лицом и прямо-таки горящими глазами. Он занимался сопоставительным анализом экономических реформ в России и Китае и долго объяснял, почему реформы в Китае проводятся намного эффективнее. Он был хорошо знаком с моими статьями о реформах в России на английском языке, цитировал их в выпущенной вскоре очень содержательной книге, которую мне прислал. Сейчас, просматривая ее, я обнаружил в би-

блиографии шесть ссылок на две мои статьи за 1993 год из вышедшего тогда на Западе журнала переводов с русского по экономике «Economics of transition» – больше, чем на кого-нибудь из российских экономистов (на Гайдара всего две, на Кудрина – одна).

Конференция прошла на территории университета Уорвика (Warwick). В ней приняло участие небольшое количество ученых из разных стран, занимавшихся экономикой этих стран в период Второй мировой войны. Доклад по экономике СССР сделал Марк Харрисон. Мы с Бусыпиным были единственными неспециалистами по этой тематике и чувствовали себя поэтому не в своей тарелке. Доклады были весьма квалифицированными. Особенно сильное впечатление на меня произвел доклад об экономике фашистской Германии. Видно было, что докладчик Овари (Ovary) в деталях знает не только факты, но и то, что за ними кроется (например, личные интересы и пристрастия отдельных фашистских руководителей). Когда я слушал доклад об СССР, мне пришла в голову мысль попробовать сравнить производительность труда в военной промышленности СССР и других воевавших стран. Харрисон таких расчетов не производил и почувствовал себя неловко. На следующем заседании он попросил слово вне расписания и сообщил, что проделал такие расчеты. Они произвели на меня (и наверное, и на других) сильное впечатление. Оказалось, что производительность труда в военной промышленности СССР опережала некоторые другие страны и отставала, не сильно, только от США. Это было удивительно: советские рабочие были хуже оснащены технически и были полуголодны. Этот расчет дополнительно подтолкнул меня через три года

заняться историей советской экономики. По итогам этой конференции был через два года издан очень содержательный сборник статей.

Следующая международная конференция с моим участием состоялась осенью 1998 года в Мичиганском университете. Она была посвящена экономическим реформам в бывших социалистических странах и Китае. Практически только в Китае и России. Докладчиков по бывшим социалистическим странам прежнего СССР и Восточной Европы не нашлось. От России был я один. Своим участием в конференции я обязан усилиям Владимира Шляпентоха. Конференция была относительно малочисленна. Доклады по Китаю были для меня очень интересны. О реформах в Китае я знал из российских источников. Я увидел, насколько глубже их знают и понимают на Западе. Вопреки радужной картине российских изданий, в докладах показывались многочисленные трудности китайской экономики и системы управления на уровне компаний. Общий тон докладов предвещал глубокий кризис китайской экономики в среднесрочной перспективе из-за этих ее недостатков. Но китайцы в последующий период многие пробелы в системе управления экономикой и компаний сумели устранить, и их экономика, как показывают и наши недавние расчеты, развивалась в последующем очень быстро, хотя и диспропорционально.

В отличие от прочих участников, я не говорил по-английски, и это, конечно, очень ослабляло влияние моего доклада. Его переводил Шляпентох. Представляя меня, Шляпентох очень тепло отозвался о моих научных заслугах. Чтобы подчеркнуть мою квалификацию, он отметил, что в отличие от российских экономистов-академиков я

ни одного дня не держал свои денежные сбережения в российских банках.

Я привел данные своих альтернативных расчетов динамики российской экономики, подчеркнул неизбежность уже разразившегося тогда финансового кризиса и показал его системный характер. Выход я видел в усилении государственного вмешательства в экономику и установлении авторитарного режима. Доклад вызвал довольно много вопросов. После одного из заседаний конференции мы со Шляпентохом и его коллегой-гуманитарием беседовали в профессорском ресторане факультета. Во время обеда я сказал, что не вижу, как это ни печально, для России другого выхода, как появление нового Сталина. У коллеги Шляпентоха это вызвало шок.

После конференции я провел прекрасный вечер в доме Шляпентоха. Володя и Люба буквально жили российскими событиями. Стол в кабинете был покрыт российскими толстыми журналами (которые в России давно уже интеллигенты в подавляющем большинстве перестали читать) и даже детективами Марининой, которые давали Володе много информации о жизни в России. Шляпентох довольно часто ездил в Россию, и у него вызывали ужас и отвращение аморализм российской жизни и подавляющей части российской интеллигенции. Он рассказывал, что задавал вопрос, кому здесь не подадут руки, и не получал ни от кого ответа.

Пару дней я гостил у Володи Конторовича и наслаждался общением с ним и его женой. Конторович организовал мое выступление в Колумбийском университете среди небольшого числа преподавателей (включая Ричарда Эриксона) и аспирантов. Там я говорил преимущественно об особенностях сложившейся в России эконо-

мической системы. Показал, что у нее много общего с феодализмом. Впоследствии Эриксон написал об этом целую работу в ведущем американском экономическом журнале, не упомянув меня.

Не помню, по чьей инициативе и даже в какое именно учреждение, меня пригласили в Вашингтон для доклада об экономическом положении в России. Собралось довольно много народа. На этот раз я особенно подробно остановился на чудовищной коррупции в России и отметил, что американское руководство частично несет за нее ответственность, не используя свое влияние в России для борьбы с ней. После выступления ко мне подошел, как он представился, российский эмигрант и подержал эту мысль, сказав, что ему стыдно за поведение американских властей в отношении России.

Сибирский институт международных отношений

Еще до того, как покинуть СНУ, я обнаружил появление в Новосибирске нового частного вуза под интригующим названием Сибирский институт международных отношений (СИМОР). Создать в Новосибирске такое учебное заведение казалось мне очень дерзкой, хотя и сомнительной находкой, учитывая малое число преподавателей по этому профилю. Я решил узнать, что оно собой представляет и не найдется ли мне там место. Созвонился с ректором, и она пригласила меня для беседы. Встреча состоялась на территории Института народного хозяйства. Ректор СИМОР Ольга Плотникова оказалась весьма миловидной и энергичной женщиной, работавшей ранее в Институте народного хозяйства заведующим кафедрой международных отношений. Она встре-

тила меня очень приветливо: выяснилось, что она читала «Лукавую цифру» и рада, что я готов преподавать в новом вузе, который только начал формироваться и еще не имел собственного помещения. Мы быстро договорились о предмете, который я буду преподавать (мировая экономика), нагрузке и условиях оплаты, которые меня устраивали.

Вскоре СИМОР переехал в новое здание – в небольшой, хорошо отремонтированный домик недалеко от метро. До него ехать было намного меньше, чем в СНУ.

Первые впечатления от нового частного вуза были самыми благоприятными. Его руководители (Плотникова и ее муж Дубровин, ставший проректором) производили впечатление интеллигентных и образованных людей. Хорошее впечатление производили и многие преподаватели, некоторых из них я знал раньше и ценил, с другими познакомился только в СИМОР. Видно было, что руководство вуза понимало, как важно подобрать хороший преподавательский состав. Подавляющее большинство преподавателей работали по совместительству, лишь единицы (включая меня) были штатными работниками. Это было обычное состояние частных вузов в это время.

Почти сразу после начала моей работы у меня состоялась беседа с Плотниковой и Дубровиным о характере моей работы и потребностях в обеспечении учебного процесса. Также Плотникова спросила меня, как я отношусь к тому, если институт выдвинет на начавшихся выборах в РАН мою кандидатуру на члена-корреспондента Академии наук. Мне было лестно их предложение как признание моих заслуг, но я его категорически отверг: был слишком плохого мнения об отделе экономики и в целом об академии

в ее тогдашнем состоянии, чтобы позориться, вступая в ее ряды. Думаю, что они были очень удивлены такой реакцией: за место в академико идет настоящая драка.

Плотникова и Дубровин оказались весьма прозорливыми в выборе профиля обучения. Действительно, в Сибири ощущался колоссальный дефицит специалистов, знакомых с международными экономическими и правовыми вопросами в период огромного расширения международных связей на уровне региональных администраций и компаний, просто знающих иностранные языки, особенно восточные. Конкурс был довольно высокий. Вуз стал популярным. Ведущие курсы в нем вели Плотникова и Дубровин, окончившие МГИМО и поэтому действительно имевшие в Новосибирске наибольшую квалификацию для ведения этих курсов (приглашение иногородних не практиковалось ни в СИМОР, ни в других новосибирских вузах из-за нехватки средств и нежелания конкуренции).

Первый год работы в СИМОР был весьма благополучным. Курс оказался для меня интересным. Я был вполне к нему подготовлен многолетним изучением проблем мировой экономики. Появились к этому времени и неплохие российские учебники вдобавок к старым советским, тоже неплохим. Как и в СНУ, мне полностью доверяли, и внешнего контроля практически не было. Студентами я тоже был доволен. Они были даже несколько сильнее, чем в СНУ, старательно занимались, неплохо сдавали зачеты и экзамены, цивилизованно себя вели. Приятными были и встречи в коридорах в перерывах между занятиями и после занятий с другими преподавателями. Больше всего огорчений было от недостатка литературы, книжной и журнальной. Я это относил к молодости нового вуза. Приходилось часто застав-

лять студентов пользоваться литературой в больших городских библиотеках. Руководство вуза было внимательным ко мне. Как только у меня появлялась заметная публикация, она выставлялась на стенде (газета) или в библиотеке (журнал). Вместе с тем прежняя эйфория начала проходить. Больше всего меня раздражало равнодушие Плотниковой к удовлетворению требований к нормальному учебному процессу. Я регулярно представлял довольно скромные заявки на приобретение литературы и периодики, но они игнорировались. В то же время денег не жалели на украшение зала заседаний и приемов. Он поражал своей роскошью. На стенах стали появляться фотографии Плотниковой в компании отечественных и зарубежных ответственных лиц. До меня доходили жалобы от уважаемых мною людей на грубость Плотниковой по отношению к подчиненным и рядовым преподавателям. Жаловались на качество преподавания иностранных языков, преподаватели иностранных языков менялись очень быстро. Зато все чаще устраивались приемы иностранных дипломатов. Я понимал их необходимость для престижа вуза и образования студентов, но их было, как мне казалось, слишком много и они обходились недешево. Я их практически игнорировал в силу слабого знания языков и замкнутости. Это, конечно, раздражало руководство вуза, хотя явно это не проявлялось.

На третьем году наше взаимонепонимание достигло критической стадии. Описанные факты умножались: фотографий стало еще больше, жалоб преподавателей и рядовых сотрудников на капризы и грубость Плотниковой – еще больше (Дубровин занимал явно подчиненное место). Критический момент настал из-за одного относительно мелкого эпизода, детали которого я забыл. Плотникова потребовала от всех

преподавателей каких-то очень унижительных поступков и запретила выдавать им заработную плату до тех пор, пока они не выполнят ее указаний. Состоялось общее собрание преподавателей, на котором многие, включая меня, высказывали свое возмущение поведением администрации в этом конфликте. Вскоре после него я подал заявление об уходе.

СИМОР существует до сих пор, с недавнего времени как филиал МГИМО. Больше всего сведений о нем в новосибирских СМИ связано с приемом высокопоставленных гостей: иностранных дипломатов и отечественных государственных деятелей (например, Дмитрия Рогозина или помощника президента РФ Сергея Приходько, соучеников Плотниковой и Дубровина по МГИМО). Некоторых бывших выпускников СИМОР я встречал в Москве, где они работали в МИД РФ.

Просмотрев сайт СИМОР, я обнаружил, что он был зарегистрирован только в 1998 году, хотя занятия в нем начались уже в 1996 году, следовательно, три года существовал нелегально. Слухи об этом ходили, но сейчас они подтвердились. Впрочем, к моменту выдачи дипломов он легализовался. Публикационная активность штатных преподавателей невысокая, среди авторов известных журналов я их не встречаю.

При всех недостатках я считаю деятельность СИМОР все же полезной. Он сыграл положительную роль в подготовке кадров для международной деятельности в Сибири и в расширении самих международных контактов.

Частная инициатива Плотниковой и Дубровина себя оправдала, пусть и не полностью. Им, как и в случае со СНУ, очень сильно помогли личные номенклатурные связи как в Новосибирске, так и в Москве.

THE PERIOD OF 'SHOCK THERAPY' (1992–1998)

G.I. Khanin

Siberian Institute of Management – Branch
of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration,
Novosibirsk;
Novosibirsk State Technical University

khaning@academ.org

In this article, which is a continuation of the previous memoirs, educational, scientific and social activities of the author in 1992–1998 years are considered. The author recalls the twists and turns associated with the defense of his doctoral thesis, participation in the establishment of the Siberian Independent University, teaching in the Siberian Institute of International Relations, participation in scientific conferences in Russia and abroad. He also characterizes a number of well-known Russian and foreign economists, specifies the contents of his own scientific work in this period, explains his attitude to the most important social and economic events in Russia, especially the policy of “shock therapy” and its impact on various aspects of the economy.

Keywords: Russian economy, the “shock therapy” in Russia, Russian higher education, the Russian banking system, alternative estimates of the Russian economy.